

ВНЕШНЯЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА

В. В. Лукашевич

ПЯТОЕ РАСШИРЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

В статье рассматриваются основные процессы, обозначившие содержание и ход недавнего пятого расширения Европейского Союза. Предпринимается попытка охарактеризовать факторы, которые определили исторические условия, темпы и особенности процесса пятого расширения, и высказать предположения о современном и будущем значении этих факторов для российского бизнеса.

ВВЕДЕНИЕ

Задача предлагаемой статьи, как представляется автору, заключается в том, чтобы привлечь внимание читателей, причем прежде всего именно тех из них, кто находится в процессе непрерывного принятия бизнес-решений, к принципиальной *необратимости* и качественной *новизне* ситуации, в которой оказалась Евразия после 1 мая 2004 г., когда после одиннадцатилетней предварительной работы, начатой в июне 1993 г., в Копенгагене на саммите Европейского Союза было заявлено, что «объединившиеся страны Центральной и Восточной Европы, которые изъявляют соответствующее желание, станут членами Союза» [European Commission. Enlargement..., 2001, p. 4; European Commission. Enlargement..., 2003, p. 4–5].

Следует заметить, что Евросоюз к этому времени уже накопил достаточно богатый опыт более и менее успешных расширений. В 1957 г. шесть стран — основательниц Европейского экономического сообщества (Бельгия, Франция, Германия, Италия, Люксембург и Нидерланды), подписав исторический Римский договор, закрепили ранее достигнутые в форматах Европейской ассоциации угля и стали и Евратома интеграционные результаты.

Затем, в 1973 г., в ЕЭС вступили Дания, Ирландия и Великобритания, что означало сокращение пространства влияния Европейской ассоциации

свободной торговли — единственной значимой, конкурирующей с ЕЭС региональной экономической интеграционной группировки, которая могла претендовать на панъевропейскую экспансию. Это и принято называть первым расширением Евросоюза.

В 1981 г. к ЕЭС присоединилась Греция, в 1986 г. — Португалия и Испания (это третье по счету расширение принято называть иберийским) и, наконец, в 1995 г. — Австрия, Финляндия и Швеция. К 2005 г. в составе Евросоюза оказались шесть из десяти стран, входивших в состав ЕАСТ, — единственной конкурировавшей с Евросоюзом региональной интеграционной группировки. Пространство Центральной и Восточной Европы в этот период контролировалось Советом экономической взаимопомощи, т. е. Советским Союзом. Сегодня в ЕАСТ входят Швейцария, Исландия и Норвегия — страны с наивысшими в мире показателями качества жизни. Процесс поляризации Европы близок к своему логическому завершению. На интеграционном пространстве Западной Европы не осталось иных значимых игроков, кроме Евросоюза.

В декабре 1997 г. на саммите в Люксембурге Европейский Союз приступил к реализации проекта пятого расширения. В тот момент в процесс присоединения было вовлечено всего тринадцать стран, причем с десятью из них (в их число вошли Кипр, Республика Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Республика Словакия и Словения), как было официально заявлено на заседании Совета Европы, состоявшемся в Геттенберге в июне 2001 г., успешного завершения переговоров о вступлении их в Евросоюз следовало ожидать в конце 2002 г. Подготовительные институциональные мероприятия, предусмотренные предварительными переговорами с руководством Евросоюза, были завершены, и эти государства были признаны соответствующими копенгагенским критериям 1993 г. вступления в Евросоюз.

ПОСЛЕ ПЯТОГО РАСШИРЕНИЯ

Обычно под перечнем «копенгагенских критериев» понимаются следующие три условия: во-первых, наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, права человека, уважение и защиту прав меньшинств; во-вторых, существование функционирующей рыночной экономики, а также умение противостоять конкурентному давлению и действию рыночных сил внутри Союза; и, наконец, в-третьих, способность брать на себя обязательства, связанные с членством в Союзе, в частности и предполагающие приверженность его целям [European Commission. Enlargement..., 2003, p. 8].

В. Г. Шемятников упоминает и «четвертый критерий», который был сформулирован в копенгагенском решении, но «редко фигурирует в поли-

тических и академических дискуссиях, касающихся расширения ЕС» [Шемятенков, 2003, с. 309]. Речь идет о способности самого Союза абсорбировать новые государства-члены, не ставя под угрозу собственную целостность и стабильность. Этот критерий, по мнению В. Г. Шемятенкова, которое поддерживает и автор настоящей статьи, исключает членство в ЕС такой крупной страны, как Россия, присоединение которой подорвало бы внутреннее равновесие интеграционной группировки, состоящей из малых и средних государств. Характерно, что первые инициативы со стороны России о вступлении ее в ГАТТ/ВТО были осуществлены именно в 1993 г., когда Россия осознала, что в обозримом историческом будущем никогда не станет полноправным членом Евросоюза.

Вспомним, что в день расширения ЕС — 1 мая 2004 г. — тогдашний председатель Еврокомиссии Р. Проди заявил, что пятое расширение стало первым и последним «большим взрывом» для Европейского Союза [Кокшаров, Линтон, 2004, с. 46]. Еще в начале 2004 г. официальные заявки на членство в ЕС подали Хорватия и Македония; потенциальное членство в Союзе ЕС пообещал также Албания, Боснии и Сербии — «странам Западных Балкан». Однако в тот же день Р. Проди подчеркнул, что такие страны, как Украина, Россия, Молдавия, Грузия или Белоруссия, не должны ожидать, что смогут когда-нибудь вступить в ЕС. Проди, как отмечают аналитики, фактически повторил тезис еврокомиссара Ф. Болкенштейна о «пределах Европы»: географическое расширение ЕС должно быть ограничено, чтобы позволить Евросоюзу интегрироваться «вглубь», осуществляя внутренние реформы.

Что касается Болгарии и Румынии, то, забегая несколько вперед, ситуация с их вступлением в Евросоюз сегодня выглядит куда менее определенно, нежели даже год тому назад. Особенно важно, что будущие сроки и условия вступления этих стран в Евросоюз все больше зависят от анализа в том числе и немаловажных негативных результатов присоединения десяти новых стран-членов к ЕС. Так, Румыния и Болгария могут вступить в ЕС на год позже — не 1 января 2007 г., как предполагалось ранее, а 1 января 2008 г., хотя еще в 2004 г. не исключался и 2009 г. Еврокомиссия недовольна тем, что правительства этих стран плохо борются с коррупцией и медленно проводят реформы. По оценке аналитиков «Эксперта», это свидетельствует о том, что правила приема в Евросоюз постепенно все-таки ужесточаются [Румыния и Болгария, 2005].

В свете этих обстоятельств слухи о грядущем *шестом расширении* — форсированном принятии в состав ЕС новых государств (Украины, Грузии, Молдавии и др.) — ставятся под сомнение в том числе и самими лидерами этих стран. Речь идет в первую очередь об Украине. Как совершенно справедливо утверждали украинские аналитики (правда, еще до «оранжевой ре-

волюции») [Вуйко, 2004], все, что им нужно от ЕС, украинцы могут получить, и не вступая в сам Евросоюз. Украина обладает статусом соседа, что позволяет ей добиваться в отношениях с ЕС «четырёх свобод» — свободы передвижения капитала, людей, товаров и услуг. Теоретически Украина может настаивать на создании зоны свободной торговли и введении безвизового режима поездок в Европу для своих граждан, причем сверх того «союз не сможет дать (Украине. — В. Л.) ничего такого, что оправдало бы в глазах украинцев передачу контроля над страной брюссельским бюрократам» [Вуйко, 2004]. Тем не менее справедливо и то, что Украине расширение ЕС обойдется в 0,5% роста ВВП в год [Кокшаров, Линтон, 2004, с. 46], так как соседние рынки, особенно Польша, вводят заградительные пошлины на многие виды украинского экспорта.

Не менее неопределенной продолжает оставаться и ситуация, связанная со вступлением в Евросоюз Турции. «Турецкий гамбит» затянулся до неприличия: страна официально заявила о своем намерении стать членом Евросоюза 14 апреля 1987 г., т. е. в хронологическом списке стран-претендентов, состоящем из тринадцати государств, десять из которых уже пополнили Евросоюз в 2004 г., она стоит на самом «непочетном» в данном случае первом месте.

Переговоры о вступлении Турции в ЕС наконец начались, но немедленно столкнулись с трудностями из-за неурегулированности отношений Турции и Кипра. Турецкий премьер-министр Р. Эрдоган в конце августа 2005 г. пригрозил отказаться от дальнейших уступок и членства в ЕС [Никифоров, 2005, с. 94]. Вместе с тем руководству Евросоюза известно, что к 2020 г. население Турции составит 82 млн человек и превысит население Германии. Турция в случае, если ей удастся к 2020 г. стать членом Евросоюза, по действующей системе распределения голосов получит максимальное количество, эквивалентное голосам 15 самых маленьких по населению стран Евросоюза. Мы упомянули об этом обстоятельстве в связи с тем, что еще в 2002 г. население Германии составляло менее 80 млн человек, из которых свыше 7 млн приходилось на долю эмигрантов, что, как указывала «Нью-Йорк Таймс», «сильно беспокоит госпожу Меркель», поскольку никакое другое государство Европы не может «похвастаться» таким количеством иммигрантов. Известно, что более 75% турок, живущих за пределами Турции, осели именно в Германии (цит. по: [Бьюкенен, 2003, с. 144]).

1 мая 2004 г. в причастных к этому событию странах Европы было шумным и сопровождалось фейерверками и демонстрациями. В России же это событие не вызвало, за редчайшими исключениями, сколько-нибудь адекватной интеллектуальной и активистской реакции в широких бизнес-кругах. Между тем никто, даже в самых отдаленных уголках нашей необъятной Родины, более не вправе безболезненно для долговременных

интересов своего бизнеса систематически игнорировать следующий факт: окончательно сформировалась качественно новая совокупность процессов, носящих системный характер, которые уже сегодня в зачаточных, элементарных формах содержат в себе большинство принципиально новых межстрановых, геополитических тенденций развития Евразийского пространства в XXI в. Исследование практики стратегического управления бизнес-структурой любого значимого масштаба в условиях глобализации, после того как завершилось пятое расширение Европейского Союза, исключительно в терминах *государств-наций* (об этом термине речь пойдет несколько ниже) неизбежно будет неполным. «Новая Европа» не просто «больше», чем раньше. Она стала существенно менее предсказуемой, более замкнутой по отношению как к США, так и к России, более противоречивой и вместе с тем более неоднородной.

Все эти тенденции в исторически короткие сроки необратимо изменят и уже изменяют бизнес-климат Евразии и, соответственно, одновременно глобальный бизнес-климат. Пятое расширение Евросоюза, в отличие от четырех предшествующих, на наш взгляд, представляет собой революцию бизнес-климата Европы, имеющую также геополитическое значение и обладающую, подобно многим другим революциям, пользуясь метафорой Т. Куна, свойством «неразличимости» [Кун, 1977, с. 181–189]. Несомненная вовлеченность российского бизнеса в противоречивое множество последствий «Европервомай» — еще одна практическая и теоретическая проблема, рассмотрение которой не может быть сведено к общим рассуждениям о глобализации, геополитике и «связи всего со всем».

В настоящей статье, в силу указанных обстоятельств, автор не претендует на то, что могло бы считаться хоть в сколько-нибудь существенной степени ее полноценным раскрытием. Тому есть ряд причин: во-первых, с «Европервомай», когда пятое по счету с момента его образования («восточное») расширение Европейского Союза стало реальностью, прошло слишком мало времени.

Очевидно, что отнюдь не все последствия, вольно либо невольно, намеренно либо неосознанно, но исторически объективно уже «встроенные» в почти десятилетний общеевропейский процесс этого расширения его архитекторами, смогли проявиться в масштабах, ощутимых для того, чтобы анализ их стал взвешенным и представлял не исключительно сиюминутный интерес. Но для России наиболее важные внешнеэкономические и геополитические последствия *уже наступили*. ЕС действительно «становится ближе» [Буторина, 2004, с. 72].

Произошло это не 1 мая 2004 г., а в ходе достаточно длительного и далеко не безболезненного, в том числе и, возможно, в первую очередь именно для России, процесса подготовки к пятому расширению, которое из

геополитической утопии превратилось в геополитическую возможность, в своеобразный «евробизнесплан», и когда для воплощения этой возможности в действительность появился адекватный «геополитический материал» — страны, обладающие полноценным политическим и экономическим суверенитетом по отношению к Российской Федерации. Воссоединение Германии в 1989 г. и Беловежское соглашение 1991 г. породили этот новый «геополитический материал», из которого (за исключением Мальты и Кипра) и была создана новая по своей исторической роли и геополитическому значению региональная экономическая группировка — ЕС-25. Именно в этот период страны ЦВЕ полностью и окончательно переориентировали свои внешнеэкономические связи с РФ/СНГ на страны Евросоюза.

Во-вторых, возникает закономерный вопрос о том, почему, собственно, современному российскому менеджеру, учитывая всю ту сложность проблем, которые он вынужден решать «в режиме непрерывного времени», целесообразно хотя бы в общих чертах представлять, какова взаимосвязь между событиями, происходящими в на первый взгляд столь далекой от его стратегических действий и интересов сфере межгосударственной европейской интеграции, и его сегодняшними и завтрашними бизнес-решениями. Информация о «чужих» успехах и фиаско, как известно, не всегда должна целенаправленно собираться: полнота рациональности ограничена объективно. Иными словами, приходится задать себе вопрос о том, зачем, кроме роста общей экономической эрудиции и информированности, российским менеджерам, а возможно, и исследователям стоит познакомиться с тем, чего можно ожидать от «новой Европы».

Пример не тождественен доказательству (в данном случае — обоснованию актуальности исследования); тем не менее недавно Еврокомиссия выпустила директиву, регулирующую принципы корпоративного управления компаний расширенной Европы [Кокшаров, 2004б, с. 84]. Аналитики, естественно, полагают, что разработка и принятие неких единых принципов корпоративного управления для расширенного Евросоюза — реакция на скандалы с Enron и Parmalat (декабрь 2003 г.). Директива должна усилить роль независимых членов правления компаний и сделать более прозрачной структуру выплат их высшему менеджменту, а заодно и усилить ответственность аудиторов за достоверность информации, предоставляемой государственным органам надзора.

Бизнес-ассоциации и торгово-промышленные палаты ЕС подвергли этот правовой акт жесткой критике, полагая, что его претворение в жизнь приведет к чрезмерной зарегулированности бизнеса и к ликвидации национальных традиций корпоративного управления. Вместе с тем эту директиву поддержали инвесторы, указав, что она повысит уровень прозрачности компаний ЕС.

В любом случае стоит обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, маловероятно, что принятие этой директивы произошло после присоединения к ЕС новых десяти стран «случайно»: прозрачность менеджмента в них, на наш взгляд, не обязательно соответствует западноевропейским представлениям об идеале. Во-вторых, возрастающая вовлеченность Европы в мировую глобальную экономику делает необходимым принятие со стороны наднациональных институтов Евросоюза соответствующих мер по пресечению оппортунистического поведения высшего менеджмента европейских (в том числе и «новых европейских», т. е. имеющих «ЦВЕ-происхождение») компаний для сохранения их конкурентоспособности. В этих условиях немалому числу российских компаний будет существенно сложнее «решать вопросы» с традиционными западноевропейскими бизнес-партнерами теми далекими от прозрачности методами, к которым они, что неправомерно исключать, привыкли [Berend, 2002, p. 32–33].

Роль интрарегиональной внешней торговли. Закономерен вопрос: как изменился и как в обозримой перспективе изменится уровень *взаимозависимости* обновленного Евросоюза и стремящейся к присоединению к ВТО России? Отметим, что с точки зрения *самодостаточности* региона, понимаемой в терминах так называемой интрарегиональной внешней торговли, ситуация в Европе исторически действительно уникальна. Не случайно профессор Х. Серисто (H. Seristo) (HSEBA, Хельсинки) в одном из многочисленных интервью, данных автору этой статьи в мае — июне 2001 г. в ходе консультаций, составлявших одно из направлений реализации действовавшего в это время международного образовательного проекта NEBSEN, особо подчеркивал опасность превращения Европы в «запертую крепость» («Europe — a closed fortress?»).

Значение внешней торговли для стран Евросоюза с «неевропейскими» странами по сравнению с «внутриевропейской» внешней торговлей существенно меньше, чем для других геополитически значимых в современном мире экономических регионов. Так, если объем экспорта из США в Канаду и в страны Центральной и Южной Америки не превосходит 35%, из Японии в страны Азиатско-Тихоокеанского региона — имеет близкие значения [Mercado, Welford, Prescott., 2001, p. 86–87], то начиная с 60-х гг. XX в. доля «интраевропейского экспорта» в совокупном объеме экспорта стран — членов Европейского экономического сообщества/Европейского Союза никогда не падала ниже 50%. Более того, за последние десять лет этот показатель, по данным EUROPA, изменялся в интервале от 63 до 69%, а с учетом торговли со странами ЕАСТ (сегодня это прежде всего Швейцария, Норвегия и Исландия) — устойчиво превосходил 70%. Совершенно очевидно, что пятое расширение лишь несколько увеличит величину и значение этого параметра, причем произойдет это в самое ближайшее время.

Вывод, который делают С. Меркадо и его соавторы из анализа приведенных количественных данных, неоспорим: «Расширение и развитие интеграции региональных рынков Западной Европы бесспорно представляет собой в коммерческом отношении в высшей степени осмысленный процесс» [Mercado et al., 2001, p. 86]. Характерно, что вновь принятые десять государств, находящиеся на этапе «догоняющего развития», демонстрируют в настоящее время средние темпы роста ВВП от 3 до 5% в год, что, кстати, приблизительно вдвое выше, чем средние темпы роста стран — членов ЕС-15. Тем не менее их вклад в интрарегиональную компоненту внешней торговли ЕС-25 объективно ограничен размерами их экономик: он составляет всего 4% от общего ВВП Евросоюза [Скоров, 2004].

РОССИЯ И ЕС-25: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРТНЕРЫ ИЛИ ССОРАЩИЕСЯ СОСЕДИ?

В начале 2004 г. большинство западных аналитиков предсказывали неизбежный международный скандал, поводом для которого должно было стать расширение НАТО в связи с новой инициативой военного альянса США по присоединению к этому блоку 30 марта 2004 г. семи новых восточноевропейских государств. В число новообращенных членов НАТО вошли и три республики бывшей советской Прибалтики. Прогноз аналитиков не оправдался: расширение отнюдь не НАТО, а Евросоюза вызвало большинство нынешних противоречий между РФ и Европой.

Несмотря на то что Россия и ЕС достигли, наконец, принципиального соглашения о присоединении России к ВТО, обе стороны, как оказывается, по крайней мере в краткосрочной временной перспективе, оказались неспособны на радикальное улучшение межсистемных отношений между собой, под которыми в настоящем контексте мы понимаем не исключительно двусторонние межгосударственные. Переговоры по ряду ключевых вопросов, главным образом таких, как поставки энергии и энергоносителей, изменение визового режима или отношения с общими соседями, ощутило замедлились, а в ряде случаев и прекратились вовсе. Остановимся подробнее на опасениях России в связи с пятым расширением ЕС.

Еще в конце апреля 2004 г. в Люксембурге состоялось первое заседание Постоянного совета партнерства России и ЕС, созданного по решению Петербургского саммита в мае 2003 г. В ходе переговоров был подписан протокол, распространивший действующее между Россией и ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве на вновь вступившие в ЕС государства [Буторина, 2004, с. 72]. Одновременно было принято совместное заявление, отражающее озабоченность России в связи с расширением Евросоюза.

Перечень проблем, вызывающих эту озабоченность, был передан руководством ЕС в 1999 г. Россия указывала на возможность ухудшения ее по-

зиций при экспорте стали, алюминия, химикатов, энергоносителей, оборудования для построенных в советское время АЭС, зерна и продуктов животноводства. Самостоятельное значение приобрела в этом контексте перспектива распространения на новые страны антидемпинговых процедур ЕС [Буторина, 2004, с. 72]. К данному перечню добавилась и проблема Калининградского эксклава (транзит, визовые регламентации и т. д.).

Россия и ЕС вели переговоры по этим проблемам в ситуации цейтнота, так как они были начаты лишь в конце 2003 г. Дополнительным осложняющим фактором послужило то обстоятельство, что они проходили на фоне открывшихся еще в 1998 г. переговоров России с Евросоюзом об условиях вступления России в ВТО. Как пятое расширение Евросоюза и очевидно негативное отношение к этому процессу России, так и настороженная позиция Евросоюза по отношению к присоединению России к ВТО — две стороны одной геополитической евразийской медали. 21 мая 2004 г., ровно через три недели после пятого расширения, с которым Россия вынуждена была смириться, ответный жест доброй воли последовал со стороны Евросоюза: спустя шесть лет после начала переговоров тогдашний торговый комиссар ЕС П. Лами и министр экономического развития России Г. О. Греф подписали протокол о завершении переговоров, в приложениях к которому были зафиксированы условия доступа европейских компаний на российские рынки товаров и услуг. России удалось отстоять низкие внутренние цены на газ, а западные компании получили гарантии снижения ввозных пошлин на автомобили и самолеты, а также доступ к новым услугам страхования и дальней связи [Онегина, 2004]. Оговаривалось также подписание Россией Киотского протокола, что позднее и произошло.

Как же модифицировалась в результате расширения ЕС внешняя среда деятельности для российских компаний-экспортеров на территории государств Евросоюза и внутри России? Естественно, учитывая неустранимость в обозримой временной перспективе устойчивой энергозависимости ЕС-25 от импорта российских энергоносителей, основным вопросом на переговорах были соответствующие обязательства России. В итоге Евросоюз отказался от большей части своих первоначальных требований по «энергопакету» (отмена экспортных пошлин на энергоносители, отмена экспортной монополии «Газпрома», допуск иностранных компаний к строительству газопроводов в России, повышение внутренних цен на газ). Более поздние события демонстрируют нежелание Евросоюза окончательно примириться со сложившимся положением вещей. Так, совсем недавно Европейская комиссия интенсифицировала свою деятельность в части анализа конкуренции на энергетическом рынке Европы. Его предварительные результаты свидетельствуют о том, что доминирование ряда компаний в этой сфере ведет к ограничению конкуренции. Речь идет о немецком энергогиганте E.ON (60% не-

мецкого рынка газа) и французской Electricite de France, почти полностью контролирующей национальный рынок электричества. Еврокомиссия, устами своего нового комиссара ЕС по антимонопольной политике Н. Крус, заявила, что также может заставить энергетические компании пересмотреть условия ряда контрактов, в том числе при необходимости и по поставкам газа из-за рубежа. Подобный прецедент уже имел место, когда Еврокомиссия заставила «Газпром» пересмотреть долгосрочные контракты с итальянской Eni, австрийской OMV и немецкой E.ON Ruhrgas, чтобы они могли реэкспортировать российский газ [Оверченко, Резник, 2005]. Аналитики указывают, что в результате подобного ослабления позиций европейских реэкспортеров энергоносителей «Газпром» может даже увеличить свои шансы выхода на розничный рынок газа в Евросоюзе.

Очевидна и безуспешная попытка «Газпрома» разыграть «турецкую карту». «Голубой поток» протяженностью 446 км, которому суждено пройти по территории Турции (контракт был подписан на условиях take or pay), надежно привяжет Турцию в части энергопотребления к России [Резник, Дербилова, 2005]. Обиженная излишне долгим ожиданием в приемной Евросоюза, Турция получила долгосрочную и весомую (хоть и небезвозмездную) энергетическую поддержку и соответствующую зависимость.

Симметрична ситуация с прокладкой энергопровода по дну Балтики. Эстония, Латвия, Литва и Польша не заручились весомой (хоть и небезвозмездной) энергетической поддержкой.

Отдельным вопросом, имеющим непосредственное отношение к изменению внешней среды российских энергоэкспортеров, является геополитическое по своим возможным результатам и вызванное именно пятым расширением Евросоюза решение о строительстве газопровода по дну Балтийского моря в обход Польши и стран бывшей советской Прибалтики. Очевидно, что для России, для которой вклад нефти и газа в ВВП, согласно данным доклада Всемирного банка о России «От переходного периода к развитию» [The World Bank] составляет около 20% (что, впрочем, более чем вдвое превосходит официальную российскую оценку) [Сонин, 2004], этот проект, в случае его успешной реализации, будет иметь долгосрочные геополитические последствия.

Что же касается изменения режима взаимного доступа на рынки товаров и услуг, то «европротекционистские» силы одержали убедительную стратегическую победу. На те базовые сельскохозяйственные товары, которые производятся в России, даже после переходного периода пошлины не будут снижены [Онегина, 2004].

Сложившееся состояние отношений между Россией и ЕС не может тем не менее не тревожить обе стороны, поскольку имеется значительное число общих экономических интересов и целей. ЕС — самый крупный экс-

портный рынок России, а Россия — один из главных поставщиков энергии в ЕС. На самом высоком уровне руководство ЕС утверждает, что хочет, чтобы Россия стала стабильной, богатой и демократичной страной — иными словами, руководство ЕС утверждает, что желает, чтобы Россия была в большей степени похожа на ЕС, нежели сегодня. Однако значительная часть российского политического истеблишмента не всегда находит политику ЕС адекватной создавшейся ситуации.

Взаимодействие двух существенных для данного анализа процессов — расширения ЕС, с одной стороны, и одновременного усиления на самых различных уровнях принятия решений (стратегических, экономических и политических) в России националистических настроений — с другой — может в дальнейшем еще более осложнить состояние двусторонних отношений.

Преодолев в целом наиболее острые и болезненные из экономических симптомов кризиса «транзитивности/переходности» (к рыночной экономике), экономика России в силу целого ряда известных и вполне объективных причин развивается все более энергично. Однако вопрос об экономическом ущербе, который ей, возможно, придется понести в результате состоявшегося 1 мая 2004 г. присоединения к Европейскому Союзу восьми стран Центральной и Восточной Европы и Балтийских государств, не утрачивает своей остроты. Россия по-прежнему остается важным экономическим партнером всех восьми стран соглашения.

Российская сторона не без оснований высказывала опасения по поводу того, что состоявшееся расширение ЕС повлечет за собой существенное снижение экспорта российских товаров в эти регионы. Приводятся и данные, характеризующие соответствующие потери России. В частности, Москва оценивала потери российских компаний от изменения режима торговли с 10 новыми членами ЕС в 150–300 млн долл. [Онегина, Беккер, Федюкин, 2004]. Встречаются источники, где сумма этих потерь существенно выше.

Указанные проблемы далеко не исчерпывают весь перечень возражений и претензий, выдвигаемых российской стороной в адрес Евросоюза и непосредственно связанных с расширением ЕС. Например, в число нерешенных входят вопросы о долгосрочном будущем политическом положении эксклава Российской Федерации — Калининградской области — в свете действия Шенгенского соглашения, о положении российских меньшинств в странах Балтии, равно как и ряд других, не уступающих упомянутым по остроте. Предложения российской стороны о достижении безвизового режима для граждан РФ, встроенные в общий контекст переговоров, имевших целью согласование позиций России и Евросоюза в связи с его расширением, были встречены со сдержанностью и сомнением. «Главное опасение, пусть и не высказываемое открыто, состояло в том, что 150 млн россиян — это слишком много, чтобы враз впустить нас в Европу» [Бара-

банов, 2004, с. А4]. Специалисты мюнхенского экономического института IFO считают, что пятое расширение усилит конкуренцию на рынке рабочей силы в ЕС и будет способствовать сокращению экономической активности, по крайней мере, на территории Германии со стороны средних и мелких немецких фирм [Никифоров, 2003]. Более того, согласно предположениям того же источника, все больше производственных мощностей будет перемещаться в страны Восточной Европы, что делает потенциальных гастарбайтеров из России еще менее желанными гостями в странах Евросоюза, тем более что, например, Германия, где в восточных землях безработица превосходит 20% от численности трудоспособного населения, а уровень ВВП на душу населения составляет 65% от среднего по Евросоюзу, в результате пятого расширения полностью лишается финансирования по программе регионального развития [Кокшаров, 2004а, с. 62]. Напомним, что Германия является до настоящего времени и крупнейшим донором объединенного бюджета Евросоюза. Возникают и новые потенциальные очаги недовольства результатами пятого расширения Евросоюза. Так, часть денег, которые все-таки будут предоставлены аграрному сектору новых стран — членов ЕС, расположенных в Центральной и Восточной Европе, фактически будет отнята у населения бедных сельскохозяйственных районов Испании [Власова, 2004].

Очевидно, что в связи с наличием подобных процессов, не говоря уже об откровенно ксенофобских и шовинистических настроениях, отмечаемых в странах ЕС-25 после пятого расширения, вопросы, связанные со свободой перемещения по территории ЕС-25 неграждан Евросоюза, потребуют от России дальнейшей упорной дипломатической работы для успешного их приемлемого разрешения на высшем уровне, что предполагает непрерывное политическое взаимодействие заинтересованных сторон.

Однако, как указывают аналитики, большинство трудностей имеет сугубо экономическое, внешнеторговое происхождение. Касаются они прежде всего проблемы российских поставок стали (в связи с количественными ограничениями, определяемыми антидемпинговыми инструкциями Европейского союза). Правда, в результате переговоров на высшем уровне с 1 мая 2004 г. удалось увеличить квоту на экспорт российской стали в Европу в 2004 г. с 1,38 млн т на 0,438 млн т, т. е. почти на треть, но эта победа должна рассматриваться как временная уступка Еврокомиссии, связанная, кроме всего прочего, в немалой степени с 30%-м ростом мировых цен на сталь [Федюкин, Гавриш, 2004].

Немалое значение имеют и проблемы более строгих, нежели прежде, фитосанитарных санкций и квот по отношению к определенным видам сельскохозяйственной продукции. Европейская энергетическая политика также была косвенно подвергнута критике российской стороной.

По мере приближения ЕС к границам бывшего Советского Союза в Восточной Европе, Россия серьезно обеспокоена тем, что новые границы в Европе усилят разделительную стену между ней и богатым западным блоком. Чиновники ЕС в свою очередь настаивают на том, что расширение 2004 г. принесет России как главному поставщику энергии в Западную Европу только пользу, а ее экспортный сектор будет иметь гарантированный массивный рынок в 450 млн жителей в блоке с 25 государствами-членами.

Экономика и торговля находятся в центре отношений России и ЕС и в большой степени составляют их основу. ЕС — крупнейший торговый партнер России — представляет примерно 25% ее импорта и 35% экспорта. Вместе с тем для ЕС Россия находится на пятом месте и охватывает только 4,4% импорта и 2,1% экспорта.

Основу российского экспорта по-прежнему составляют энергия и сырье. Это частично происходит из-за внутренней структуры российской экономики, а также вследствие того, что готовая продукция отличается более низким качеством по сравнению с ее аналогами в ЕС и уступает в конкуренции на европейском рынке. Те области, где Россия могла бы конкурировать, блокированы барьерами типа сельскохозяйственной политики Общего рынка. И все-таки при этом российский рынок и в настоящее время обладает высокой привлекательностью для бизнеса ЕС. Ненадежность российских институтов препятствует европейским инвестициям, ограничивая участие ЕС в отношениях с Россией. Несмотря на то что они экономически близки, искаженные отношения лишают ЕС долгосрочных экономических стимулов участвовать в контактах с Россией. У России есть выход — концентрация на построении двусторонних отношений с европейскими странами-тяжеловесами, в частности с Германией и Францией.

Отметим, что Россия и ЕС подчас «разговаривают на различных языках» и выражают свои интересы по-разному. Российский взгляд на отношения с ЕС — более инструментальный и прагматичный, он касается того, как может сотрудничество с этим экономически и политически мощным блоком усилить положение России внутри страны и на международной арене. Россия довольно четко представляет, что ей нужно от Союза. Для России ЕС — источник поддержки реформ в стране и процесса модернизации; в региональном аспекте — потенциально важный рынок и экономический партнер; на глобальном уровне — наряду с США — возможный стратегический партнер. Общая стратегия ЕС по отношению к России весьма пространна, в то время как среднесрочная стратегия России, касающаяся ЕС, — намного более детальный и определенный набор подходов и мер. ЕС — не унитарное государство, а сложная система взаимодействий наднационального и межправительственного политического курса. Пребывание в качестве части системы ЕС означает размывание различий между

внешним и внутренним: суверенитет не абсолютен, и внутренняя политика одного государства-члена — дело других государств-членов в гораздо большей степени, чем в других международных системах.

Для России недопустимо любое вмешательство в ее внутренние дела — касается ли это проведения президентских выборов или урегулирования конфликта в Чечне, тогда как для ЕС эти вопросы занимают центральное место в его внешней политике. Поэтому существует столкновение взглядов этих двух сторон на «правила игры», когда «норма вмешательства» противостоит «норме невмешательства». Эти два субъекта сталкиваются друг с другом на разных территориях, создавая существенные разногласия.

Сегодня еще преждевременно оценивать весь комплекс последствий пятого расширения ЕС, тем более в связи с долгосрочными перспективами российского бизнеса. Ряд противоречий, казавшихся год назад неразрешимыми, начинает утрачивать остроту. Так, вопреки многим геополитическим прогнозам, российский бизнес, несмотря на все границы, активно проникает в Балтию, отчасти восстанавливая старые экономические связи, частично — создавая новые [По-прежнему вместе, 2005]. Предприниматели Балтии также рассматривают Россию как перспективный рынок, столкнувшись с объективным конкурентным превосходством «старых» европейских компаний. Постепенно уходят в прошлое (в связи с получением ими статуса постоянных жителей) наиболее острые социальные проблемы бывших советских военнослужащих в странах Балтии [Иванов, 2005].

Возникают и новые вопросы. Для Санкт-Петербурга, например, обостряется проблема въездного и выездного туризма. В связи с 20%-м ростом цен на топливо в странах Балтии (добавим к этому введение консульского сбора от 15 до 25 евро при поездке в Таллинн, факт упразднения многократных и групповых виз, а также необходимость временной поправки в 8–10 рабочих дней на негарантированное оформление визы) выездной туристический бизнес Петербурга будет зависеть от энергии и решимости топ-менеджеров в направлении сокращения издержек (*price-cutting*), а въездной — от состояния гостиничного хозяйства и качества в нем сервиса в степени, *несопоставимо* большей, чем до расширения [Урвачев, 2004].

Аналитики полагают, что препятствием на пути к взаимодействию Балтии и России являются инертность мышления постсоветских элит, игнорирующих многополярность современного мира. Но у этой медали есть и другая сторона.

К сожалению, способ, которым ЕС формулирует свою внешнюю политику, и его неумение последовательно ее проводить, делает Евросоюз не всегда эффективным и почти всегда непростым политическим партнером для России. Политика Европейского Союза по отношению к России состоит из двух основных компонентов.

Первая воплощена в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., которое распространяется на сферы, простирающиеся от торговли и экономической либерализации до юридических реформ и принципов демократии. Его основа — принципы, подобные требованиям, предъявляемым государствам, претендующим на членство в ЕС, они направлены на приведение экономических и политических структур России в соответствии с нормами Союза, что воплощено в собственном *acquis communautaire* (совокупность нормативных актов) ЕС. Контроль за выполнением этих принципов выполняется прежде всего через программу TACIS.

Другая компонента политики России и ЕС охватывает и внешнюю политику государств-членов, и положения по Общей иностранной политике и безопасности (Common Foreign Security, CFS) [Common Strategy..., 1999]. Теоретически это те же самые принципы, как и в первой компоненте, и Общая стратегия по России, согласованная в 1999 г., составляет длинный список реформ, которые необходимы России для становления в стране демократической рыночной экономики. На практике, однако, эти две компоненты не всегда синхронизированы между собой — на самом деле, политические векторы отдельных стран-членов (особенно тех, между которыми и Россией существуют хорошо развитые двусторонние отношения, — Франции, Германии, Великобритании и Италии) не всегда совпадают с политикой ЕС.

России было бы весьма удобно использовать исторически сложившиеся двусторонние связи с государствами-членами (*государствами-нациями*) Евросоюза в собственных интересах. Кстати, это и проявилось в ходе последних раундов переговоров по Калининграду, проходивших в 2002 г., где такого рода отношения использовались для того, чтобы привлечь Францию, Италию и Испанию на российскую сторону, оспорив ряд положений, выдвинутых Европейской Комиссией [Lynch, 2003, p. 52].

Сегодня, по мнению одного из наиболее интересных исследователей проблем европейской интеграции Р. Уитмена, директора европейских программ Королевского института международных отношений (Соединенное Королевство), «...Европа застряла в переходном периоде. Она ушла от внешнеполитического процесса, который был понятен с точки зрения дипломатии, но еще не достигла состояния институтов, которые используют государства для управления политическим процессом, т. е. ЕС — уже не совсем дипломатия, но еще и не государство» [Кокшаров, 2005а, с. 83].

В последнее время в странах — членах ЕС, да и в самой России отмечается рост имперских и националистических настроений: «В Европе возрождается нормальный национальный интерес» [Власова, Кокшаров, 2005, с. 21]. Это мешает Евросоюзу в его отношениях с Россией осуществлять в ряде ситуаций последовательную и сосредоточенную тактику, что вполне

может принести России определенные краткосрочные политические дивиденды в духе «Голубого потока», но при этом нельзя не отметить, что в долгосрочной перспективе политика, опирающаяся на принцип «разделяй и властвуй», может воспрепятствовать развитию стратегически оправданного геополитически долгосрочного взаимодействия со странами, имеющими больше разных интересов, чем общих. Вспомним, что Асуанская ГЭС в Арабской Республике Египет президента Гамалы Абд Эль Насера строилась силами СССР, а не КНР. Каково же сегодня политическое сальдо этого проекта для современной России?

Европа в ходе последнего расширения действительно «перенапрягалась», а Евросоюз «пожинает плоды безудержной экспансии». «России же повезло. Она... мечтала расширить свою зону влияния, повесив себе на шею Украину... Стань Украина частью новой „империи“, амбиции почти наверняка бы выросли и сегодня Россия оказалась бы куда глубже вовлеченной в обеспечение стабильности режимов Средней Азии. Ради чего?» [Антиимперское «нет», 2005, с. 15].

Подводя итог нашему краткому очерку истории и ожиданий, связанных с пятым расширением Евросоюза, напомним лишь, что действительно надежным, хотя и долгим путем к *формированию сбалансированной взаимозависимости ЕС и России*, как представляется, исходя из экскурса по новейшей истории европейской интеграции, может стать системная структурная реформа российской экономики, преследующая цель ее стратегической модернизации. Только это поднимет значимость России в глазах Евросоюза и избавит ее от будущих экономических потрясений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Итак, занявшая более десяти лет процедура пятого расширения Евросоюза завершилась и начала приносить первые результаты. Скоро минует два года с того момента, когда Р. Проди, сравнивший этот процесс с «большим взрывом», сформировавшим новую расширенную Европу, предсказал, что нового большого взрыва ожидать в обозримой исторической перспективе не следует. Тем не менее не позднее 1 января 2009 г. (а возможно, и значительно раньше) полноправными членами ЕС должны стать Болгария и Румыния. Аналогичные обязательства выданы Евросоюзом Албании и странам бывшей Югославии: Хорватии, Македонии, Сербии, Боснии. На очереди приобретающая все большую геополитическую остроту проблема вступления в Евросоюз Турции. Наконец, Украина и Грузия также окончательно не отказались от полноправного участия в европейской интеграции.

2. Сегодня, видимо, никто не рискнет отказать Евросоюзу 2015–2020 гг. в возможности (правда, на различных уровнях интегрированности) объединить около 35 государств-членов и ассоциированных членов. Процесс

европейской интеграции продолжается и усложняется. Появляется тенденция к формированию «разноуровневой» интеграции.

3. Изменившаяся Европа стала для России (которая в данном случае не является исключением) менее предсказуемой с точки зрения ее поведения как единого целого в отношении России, «расслоения» самой объединенной Европы и возможности появления новых внешнеэкономических интересов и соответствующих преимуществ, связанных с возможностью появления «сепаратных», национально-государственных внешнеэкономических интересов отдельных стран — членов ЕС–25 в случае развития двусторонних торгово-экономических отношений с Россией. Германия, Италия демонстрируют такие примеры уже сегодня.

4. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что пятое расширение Евросоюза необратимо изменило геополитическую ситуацию на евразийском континенте, изменив тем самым и целый ряд параметров внешней среды деятельности российских компаний. Это предъявляет к ним новые, в большинстве случаев, более жесткие требования. Менеджмент российских компаний будет вынужден адаптироваться к этим новым условиям. Очевидно, что практически невозможно найти отрасли, которые не ощутят ужесточения конкуренции. Последнее обстоятельство, естественно, по-разному будет проявляться в разных отраслях и не может не зависеть от размеров фирм и их вовлеченности в систему мирохозяйственных связей, но глобализационные процессы при любом дальнейшем развитии событий предъявляют и будут продолжать предъявлять к качеству менеджмента всех российских компаний новые, более высокие требования.

5. Энергетическая зависимость ЕС–25 от российских энергоносителей не демонстрирует тенденции к уменьшению. «Голубой поток» и Северо-Европейский газопровод — примеры попыток реализации долгосрочной внешнеэкономической стратегии России, предполагающей дальнейший рост экономической взаимозависимости обеих участвующих сторон. Негативные стороны эскалации такой зависимости для России описаны в специальной литературе как синдром «голландской болезни».

6. Сырьевой неэнергетический экспорт России в ЕС–25, возможно, будет утрачивать значение, так как на этом поле Россия конкурирует с опережающими ее наукоемкими фирмами — производителями металлов и химикатов, для чего ей необходимы прорывные инвестиции в НИОКР, успех которых неочевиден.

7. «Локальный дискомфорт», который испытала Россия после 1 мая 2004 г. в ряде «неключевых», конкурентных отраслей экономики (достаточно вспомнить приведенный выше пример туристической отрасли в Санкт-Петербурге), — следствие соседства с сильным и опытным конкурентом, где, помимо всего прочего, органически невозможно извлечение устойчивых мо-

нольных рент. Последствия этого дискомфорта в соответствующих отраслях для России в долгосрочной временной перспективе можно, на наш взгляд, оценить как благотворные. Основанием для такого оптимизма служит присущая этим отраслям мобильность всех вовлеченных ресурсов.

8. Наконец, *формирование состояния, приближающегося к симметрии* в целостной геополитической евразийской системе экономической взаимозависимости «ЕС — Россия», в XXI в. основано прежде всего на долгосрочной системной структурной реформе российской экономики, преследующей цель стратегической модернизации. У этого эволюционного пути, представляющегося нам рациональным как по форме, так и по неизбежно «большой» продолжительности тех временных интервалов, которые займет действительное, «нефиктивное» реструктурирование экономики на «белловских» принципах, на которых построены уже сегодня все без исключения развитые экономики мира, нет альтернативы. Вместе с тем этот путь по своему содержанию революционен, поскольку представляет собой воплощение долгосрочной экономической политики (никем еще, к сожалению, даже *вчерне* не разработанной), направленной на *создание условий и стимулов для появления и развития* в России «экономики знаний». Отказ от формирования и воплощения специфического варианта российской долгосрочной политики «догоняющего развития», на наш взгляд, тождественен признанию адекватности вызову времени очередного «неославянофильского» (в данном контексте — экономического) варианта «особого пути России». «Ресурсно-индустриальный национализм», о котором в последнее время все чаще говорят и пишут, — действительно «общество без будущего». Подобный подход блестяще продемонстрировал свою несостоятельность в XIX — XX вв. Едва ли его стоит наспех перелицовывать для применения в условиях реалий века XXI.

Литература

- Антиимперское «нет»* // Эксперт. 2005. № 21 (468). С. 15.
Барабанов О. Между Европой и СНГ // Ведомости. 2004. 6 апр. С. А4.
Буторина О. ЕС становится ближе // Эксперт. 2004. № 16 (417). С. 72.
Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ, 2003.
Власова О. Цена конституции // Эксперт. 2004. № 2 (403). С. 55.
Власова О., Кокишаров А. Возвращение блудной Европы // Эксперт. 2005. № 23 (470). С. 18–21.
Вуйко Б. Не хотят в третий класс. Вступление в Евросоюз уже не является стратегической задачей для Украины // Эксперт. 2004. № 18 (419). С. 85.
Иванов В. ЕС защищает отставников. Бывшие советские военные в странах Балтии получают статус постоянных жителей // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 21 (226). С. 7.
Кокишаров А. Германия против Еврокомиссии // Эксперт. 2004а. № 4 (451). С. 62.

- Кокшаров А. ЕС на страже корпоративного управления // Эксперт. 2004б. № 38 (438). С. 84.
- Кокшаров А. Глобализация невозможна без империй // Эксперт. 2005а. № 7 (408). С. 60–66.
- Кокшаров А. Будущее — за разношерстной Европой // Эксперт. 2005б. № 42 (488). С. 82–90.
- Кокшаров А., Линтон М. Ворота Европы закрываются // Эксперт. 2004. № 17 (418). С. 46.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Никифоров О. Выигрывают вступающие // Эксперт. 2003. № 47 (400). С. 84.
- Никифоров О. Турция засомневалась // Эксперт. 2005. № 34 (480). С. 94.
- Оверченко М., Резник И. В ЕС нашли монополистов. Ими могут быть признаны E.ON и EdF // Ведомости. 2005. 15 ноября. С. Б3.
- Онегина А. Входной билет получен. Россия договорилась с Европой о вступлении в ВТО // Ведомости. 2004. 24 мая 2004. С. А1.
- Онегина А., Беккер А., Федюкин И. Торг на высшем уровне. Переговоры с Евросоюзом не привели к прорыву // Ведомости. 2004. № 71 (1111), 23 апреля. С. А1.
- По-прежнему вместе // Эксперт Северо-Запад. 2005. № 16 (221). С. 8.
- Резник И., Дербилова Е. «Голубой поток» дотянется до Израиля и Италии // Ведомости. 2005. № 217 (1498). 18 ноября. С. Б3.
- Румыния и Болгария // Эксперт. 2005. № 41 (487). С. 6.
- Скоров Г. Не единая Европа // Ведомости. 2004. 11 мая. С. А4.
- Сонин К. Чистая вода // Ведомости. 2004. 12 апреля. С. А4.
- Урвачев П. Похищение Европы // Город. 2004. № 15 (100). С. 44.
- Федюкин И., Гавриш О. Квоты не отменят. Несмотря на рост цен, Евросоюз не облегчит импорт металла // Ведомости. 2004. № 76 (1116). 29 апреля. С. А3.
- Шемятенков В. Г. Европейская интеграция. М.: Международные отношения, 2003.
- Verend I. T. The Further Enlargement of the European Union in a Historical Perspective // The Enlargement of the European Union toward Central Europe and the Role of the Japanese Economy / Eds. J. Hoos, K. Haba, T. Palankai. Budapest : AULA , 2002.
- Common Strategy of the EU on Russia // Official Journal of the European Communities. 1999. № 414. June 24.
- European Commission. Enlargement of the European Union — An Historic Opportunity. A General Overview of the Enlargement Process and the Pre-accession Strategy of the European Union. Brussels: European Commission, Enlargement Directorate General, 2001.
- European Commission. Enlargement of the European Union — An Historic Opportunity. Brussels: European Commission, Enlargement Directorate General, 2003.
- Jones E. L. The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Lynch D. Russia Faces Europe // Chaillot Paper. N 60. EU, Paris: Institute for Security Studies, 2003. P. 52.
- Mercado S., Welford R., Prescott K. European Business. England: Pearson Education Ltd. , 2001.
- The World Bank [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.worldbank.org.ru

Статья поступила в редакцию 28 октября 2005 г.